

УДК 821.133.1-312.9(493)

ББК 84(4Бел)-44

Д92

Adeline Dieudonne

LA VRAIE VIE

Copyright © Éditions l'Iconoclaste, 2018

Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского *Елены Брагинской*

Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

**Дьедоне, Аделин.**

Д92 Настоящая жизнь / Аделин Дьедоне ; [перевод с французского Е. Брагинской]. — Москва : Эксмо, 2020. — 224 с.

ISBN 978-5-04-106657-4

В безликом поселке Демо живут девочка и ее семья. У девочки есть маленький братик Жиль — ее отдушина. У нее есть безмолвная, покорная мать. У нее есть отец — жестокий хищник, любитель охоты. А у отца есть комната с трупами, где собраны чучела всех животных, которых он убил. Там, в углу, стоит желтоглазая гиена, и она — можно в этом не сомневаться — что-то замышляет. Однажды, когда они с братом идут купить мороженое, как делают часто, происходит трагический случай, который меняет Жилия навсегда. Когда мороженщик погибает, девочка слышит смех — нечеловеческий, зловещий, звучащий из ниоткуда. И ей придется с ним сразиться.

УДК 821.133.1-312.9(493)

ББК 84(4Бел)-44

© Брагинская Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-106657-4

В доме было четыре комнаты. Одна — моя, вторая — младшего брата Жилия, третья — родителей, а четвертая принадлежала трупам.

Олени, маралы, кабаны. Головы антилоп всех видов и размеров: спрингбоки, импалы, гну, орикс, личи. Несколько голов зебр.

На возвышении лежал лев, зубы его были сомкнуты на шее маленькой газели.

А в углу стояла гиена.

Хотя она была набита соломой, она жила — я в этом не сомневалась, и она наслаждалась ужасом, который видела в глазах всех тех, кто встречался с ней взглядом.

На стенах, в рамках, висели изображения моего отца с ружьем в руке и убитыми им животными.

Он постоянно фотографировался в одной и той же позе, величественно и гордо поставив ногу на труп зверя, уперев одну руку в бок, а другой триумфально воздевая оружие. Он скорее напоминал вооруженного повстанца, опьяненного кровью жертв, чем почтенного отца семейства.

Жемчужиной его коллекции, его самой большой гордостью был, конечно, слоновий бивень. Однажды

вечером я услышала, как он рассказывает матери о том, что само убийство было не самым трудным делом во всей этой истории. Вовсе нет. Убить слона было не сложнее, чем забить корову в переходе метро.

Сложность заключалась в другом: нужно было выйти на браконьеров и суметь ускользнуть от бдительных егерей.

И потом ведь нужно отделить бивни от еще теплой туши. Та еще скотобойня.

Это все влетело ему в копеечку. Я думаю, именно поэтому он так гордился своим трофеем. Убийство слона стоило так дорого, что ему пришлось поделить расходы пополам с каким-то типом. Каждый увез с собой по бивню.

Я любила гладить этот бивень. Он был таким большим, таким блестящим и прохладным. Но возможно было делать это только тайком от отца — он запрещал нам заходить в комнату для трупов.

Отец был огромным мужчиной, широкоплечим, грубым, на вид — живодер живодером. Огромные узловатые руки. Этими руками он мог оторвать голову цыпленку так же легко, как будто открывал бутылку колы.

Кроме охоты, отец любил в жизни еще две вещи: телевизор и виски. И когда он не гонялся по всему миру за разными зверями, желая их убить, он пялился в здоровенный экран с колонками, который стоил как небольшой автомобиль, и прихлебывал «Гленфиддик» прямо из бутылки.

### *Настоящая жизнь*

Вроде бы он разговаривал с моей матерью, но на самом деле ее вполне можно было бы заменить на фикус, и он бы не заметил разницы.

А мать панически боялась отца.

Я подозреваю, что, за исключением ее страсти к садоводству и разведению карликовых коз, это практически единственное, что я могу про нее поведать. Это была худая женщина с длинными жидкими волосами. Я не уверена, существовала ли она вообще до того момента, когда с ним встретилась. Думаю, да. Она, должно быть, напоминала примитивную форму жизни — одноклеточное, полупрозрачное создание. Амебу. С эктоплазмой, эндоплазмой, ядром и пищеварительной вакуолью. А за долгие годы жизни с моим отцом эта крошечная емкость постепенно наполнилась страхом.

Я всегда с напряженным интересом рассматривала их свадебные фотографии. Сколько себя помню, я вечно листала семейный альбом, пытаюсь отыскать там хоть что-то. Хоть что-то, что могло бы объяснить этот странный союз. Любовь, ласку, радость, улыбку... Хоть что-то...

Так и не нашла. На этих снимках отец стоял почти в той же позе, что на фотографиях с охоты, только гордости на лице поменьше. Ну ясное дело, амеба — это так себе трофей. Поймать ее ничего не стоит: стакан, немного застоявшейся воды — и готово.

Видно, что маме моей во время свадьбы еще не было страшно. Скорее создавалось ощущение, что

ее поставили тут, рядом с этим типом, как вазу — элемент интерьера.

Когда я повзрослела, я стала задаваться вопросом: каким образом эти двое смогли зачать двух детей? Меня и моего брата. Но я быстро перестала об этом думать, потому что в голову мне приходила только одна картина: вечер, кухня, он, воняя виски, лениво заваливает ее на стол, несколько мощных, грубых движений безо всякой реакции с ее стороны — и дело сделано.

Основной функцией матери было приготовление еды, и ее она тоже осуществляла совершенно как амеба. Еда получалась скучной, безвкусной и однообразной. С большим количеством майонеза. Сэндвичи с ветчиной и сыром, персики с тунцом, салат «Мимоза» и рыба в панировке с картофельным пюре. Вот основное меню.

За нашим садом были лес Повешенных детей и большая зелено-коричневая долина — два холма, образующие гигантскую букву V, на дне которой скапливались сухие листья. В глубине долины жила Моника. Мы с Жилем часто ходили к ней в гости. Она объяснила нам, что эта буква V — след от когтя дракона. Дракон процарапал эту долину, потому что обезумел от горя. Это было давным-давно. Моника замечательно рассказывала всякие истории. Ее седые длинные волосы танцевали, танцевали цветочки на платье, позвякивали браслеты на запястьях.

«Очень-очень давно неподалеку отсюда, на вершине горы, которая теперь разрушилась, жила пара гигантских драконов. Они любили друг друга так сильно, что ночью пели странные, но очень красивые песни, которые знают только драконы. Эти звуки внушали страх людям в долине. Услышав их, они не могли заснуть. Однажды ночью, когда двое влюбленных задремали, убаюканные песнями, они пришли — кретины с факелами и вилами — и убили самку.

Самец, обезумев от горя, разом испепелил долину, сжег всех: мужчин, женщин и детей. Все люди

умерли. Потом в отчаянии он стал когтями царапать землю, образуя впадины. С тех пор растения вновь выросли на этой земле, и вновь здесь стали жить люди, но следы его когтей остались до сих пор».

Действительно, в окрестных лесах и полях повсюду были разбросаны овраги разной глубины, напоминающие царапины.

Эта история напугала Жиля.

По вечерам он иногда стал приходить ко мне в постель. Тесно прижимался всем телом, ища защиты: ему казалось, что он слышит песнь дракона. Я объясняла ему, что это просто сказка, что на самом деле драконов не существует. Что Моника рассказывала это, потому что ей нравятся старинные легенды, но рассказ — выдумка.

В глубине души я сама тайно сомневалась в своих словах. И каждый раз, когда отец возвращался с охоты, я боялась, что он принесет голову самки дракона.

Чтобы успокоить Жиля, я изображала взрослую и шептала ему: «Все истории нужны для того, чтобы выпустить наружу наши страхи, так мы можем быть уверены, что в настоящей жизни этого не случится».

Я любила засыпать рядом с ним, вдыхая запах его мягких волос.

Жилу было шесть лет, мне — десять. Обычно братья и сестры то и дело ссорятся, ревнуют друг к

другу, орут, ябедничают и дерутся. У нас все было не так. Я любила Жиля нежно, как мать. Я направляла его, объясняла ему все, что знала сама, это была моя миссия старшей сестры. Самая чистая форма любви, которая существует.

Эта любовь не ожидает ничего в ответ. Она несокрушима и неистребима.

Он все время смеялся, показывая молочные белые зубки. И каждый раз его смех грел меня, как мини-электростанция. А я делала ему кукол из старых носков, сочиняла смешные истории, ставила целые спектакли для него одного. Еще я любила его щеко-тать. Чтобы слышать, как он смеется.

Смех Жиля способен был вылечить все душевные раны.

Дом Моники наполовину оплетал плющ. Это было красиво. Иногда солнце освещало его через ветки, словно лаская светящимися пальцами. Я никогда не видела, чтобы мой дом ласкали солнечные пальцы. И ни один из домов в округе.

Мы обитали в поселке, который назывался Демо.

Сорок одинаковых серых строений, вытянутых рядами, как погребальные камни на кладбище.

Отец назвал его Дурдемо.

В шестидесятые годы на месте Демо было поле пшеницы.

В начале семидесятых жилое строительство, словно плесень, разрослось на нем с катастрофической скоростью: буквально за полгода. Это был пи-



лотный проект, на пике тогдашней модной технологии сборных конструкций.

Демо. Демонстрация уж не знаю чего. В те времена люди, построившие эти дома, хотели что-то доказать. Может быть, тогда эти сооружения впечатляли. Но сейчас, двадцать лет спустя, от них осталось одно уродство. Красота, если она и была, смылась дождевыми. Поселок состоял из одной улицы, которая шла квадратом — дома стояли внутри квадрата и вне его. А вокруг раскинулся лес Повешенных детей.

Наш дом стоял вне квадрата. Он выглядел немного лучше других, поскольку архитектор проектировал его для себя. Но он уже давно не жил здесь. Дом был побольше, чем остальные, и посветлее: с высокими застекленными эркерами. И еще в нем был подвал. В целом он имел довольно дурацкий вид, скажем прямо, но подвал оказался нужной штукой.

Благодаря ему подземные воды не поднимались до уровня стен и те не начинали гнить. Остальные дома в Демо пахли залежавшимся полотенцем, забытым в мешке с принадлежностями для бассейна.

У нас не воняло, но зато в доме жили трупы животных. Я иногда задумывалась: а не лучше ли дом, в котором воняет?

Сад у нас тоже был побольше, чем у других. На газоне имелся даже надувной бассейн. Он напоминал тучную даму, заснувшую на солнцепеке. Зимой отец сдувал его, и на лужайке оставался круг коричневой травы.

А в глубине сада, прямо перед лесом, был загон, где держали козочек. На склоне, покрытом вьющимся розмарином.

Козочек было три: Бисквитка, Жозетка и Мускатка. Но скоро их должно было стать пять: Мускатка была беременна.

Мать привела козла для спаривания, это была целая история — из-за отца. Иногда мать способна на удивительные вещи. Когда речь заходила о ее козах, в ее нутре зарождалось некое подобие материнского инстинкта, позволяющее противостоять отцу.

Когда это происходило, на его лице появлялось выражение учителя, которого превзошел ученик. Он застывал с открытым ртом, тщетно пытаясь найти, что сказать в ответ.

Он знал, что каждая секунда промедления неуклонно разрушает его авторитет, как шар-баба разбивает дом, зараженный домовым грибом. Его раскрытый рот слегка кривился, и он издавал глухое рычание, словно разозленный фокстерьер. И мать понимала, что победила.

Она знала, что позже за это заплатит, но эта победа была важна для нее. При этом внешне мать не испытывала торжества; как ни в чем не бывало она возвращалась к своей обычной амебной деятельности.

Так вот, Мускатка понесла, и мы с Жилем возбужденно ждали наступления отела. Караулили малейшие признаки скорых родов.

Он смеялся, выслушивая мои объяснения по поводу процесса появления козлят на свет.

— Они вылезают из ее пиписьки. Будет похоже, как будто она какает, но вместо какашек появятся два ребеночка-козленка.

— А как они оказались в ее животе?

— Они не то чтобы там оказались, они их сделали вместе с тем козлом. Они были очень влюблены друг в друга.

— Но козел-то был у нас всего один день, козочка с ним даже толком не познакомилась, как они тогда могут быть влюблены?

— А, вот ты о чем... Так это и называется любовь с первого взгляда.

Если пройти через лес Повешенных детей и через поле таким образом, чтобы не заметил фермер, попадаешь на большой желтый песчаный холм. А если спуститься с него, цепляясь за торчащие корешки, попадаешь в лабиринт сломанных машин. Тут тем более нельзя допускать, чтобы тебя заметили.

Это было огромное кладбище металла. Я очень любила это место. Я гладила рукой каркасы и представляла себе сваленных в кучу зверей, неподвижных, но не утративших чувствительности. Иногда я разговаривала с ними. Особенно с новоприбывшими. Я говорила себе, что их, вероятно, нужно приободрить, успокоить. Жиль помогал мне. Вдвоем мы часами играли там, разговаривая с машинами.

Некоторые лежали здесь уже давно, поэтому с ними мы были хорошо знакомы. Одни — почти не испорченные, иные слегка поврежденные. Были и совершенно развороченные — капот всмятку, ходовая разбита. Словно их прожевала огромная собака. Больше всего я любила зеленую машину, у которой не было ни крыши, ни сидений. Такое впечатление, что всю верхнюю часть сдуло напрочь, как пену с пивного бокала. Я вот думаю, что же могло ее сне-